

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ж. В. Четвертакова

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (Воронеж)*

Поступила в редакцию 30 мая 2024 г.

Аннотация: статья посвящена сущностным аспектам формирования и развития социокультурной идентичности на современном этапе развития общества. Подчеркивается значимость и необходимость сохранения и укрепления социокультурной идентичности в эпоху геополитических потрясений. Акцентируется внимание на опасности утраты социокультурной идентичности или ее подмены другими формами самосознания для всей системы национальной безопасности.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, ценности, этнонациональные общности, культура, национальная идея.

Abstract: the article is devoted to the essential aspects of the formation and development of sociocultural identity at the present stage of development of society. The importance and necessity of preserving and strengthening sociocultural identity in an era of geopolitical upheaval is emphasized. Attention is focused on the danger of the loss of sociocultural identity or its replacement by other forms of self-awareness for the entire national security system.

Key words: sociocultural identity, values, ethnonational communities, culture, national idea.

Проблема социокультурной идентичности в современных условиях, когда происходит трансформация глобальных социальных процессов, является значимой. Центральной для большинства культурно-ориентированных дискуссий проблема идентичности стала с конца 60-х гг. прошлого века [1]. При этом первым в научный оборот понятие «идентичность» ввел З. Фрейд. С точки зрения психологии идентичность рассматривалась как «психологическое переживание субъектом той или иной степени слияния с объектом» [2, с. 21]. Популяризировал данный термин Э. Эриксон [3], связывая идентичность с самоотождествлением и целостностью личности. В свою очередь, М. Кастельс акцентирует внимание на социологическом аспекте идентичности, утверждая, что в социальном пространстве формируются три ее формы: легитимизирующая идентичность, идентичность сопротивления и проектирующая [4, с. 54]. В целом, понятие «идентичность» анализируется многими науками (психологией, этнологией, социологией, культурологией, философией), которые акцентируют внимание на различных аспектах ее формирования и развития. Так, динамический подход

(А. Адлер) рассматривает идентичность как динамический процесс, соединяющий социальные, индивидуальные аспекты опыта; гуманистический подход (Э. Фромм, С. Рубинштейн) раскрывает проблему идентичности через призму осознания ценности личности, как Я-концепцию; психоаналитический подход (К. Хорни) акцентирует внимание на выстраивании личностью искусственных стратегий защиты как внутриспсихического, так и межличностного характера; когнитивный подход (Х. Маркус) – как систему уникальных внутренних схем; системный подход (В. Афанасьев, Э. Юдин) определяет идентичность через призму жизнедеятельности субъектов; и т. д.

Проблема идентичности была актуализирована в период глобализации, которая способствовала «глобальной экономической стандартизации» и культурной унификации, «направленной на нивелирование культурных, религиозных, этнических, национальных различий» [5]. Подобные процессы способствовали формированию типа личности как космополита, «свободного от локальных форм идентичности, чувствующего себя “своим” в большинстве точек земно-

го шара в результате принадлежности к всеобщей глобальной культуре» [6, с. 233]. А поскольку данный индивид лишен этнонациональных привязанностей, следовательно, лишен и национальной идентичности. В связи с этим трудно не согласиться с рядом авторов (В. Аверьянов, В. Багдасарян, А. Болдырев, А. Иванов, П. Калитин, А. Комогорцев, М. Маслин), что глобализация не способствует развитию интеллектуального и творческого потенциала любой цивилизации, который, в свою очередь, является необходимым условием для развития «науки, техники, социального самосознания народа», что лишает возможности достичь определенного уровня развития общества [7]. А связано это, прежде всего, с тем, что идея глобализации опирается на «стремление сил Запада занять господствующее положение на планете», преследуя при этом свои конкретные интересы, а не интересы всего человечества [там же].

Современные глобальные экономические и геополитические процессы привели к росту трансграничного перемещения и, как следствие, к возросшему уровню миграционных процессов, порождая «носителей двойной национальной идентичности» или «маргинализацию идентичности, т. е. не отождествление себя ни с одной из общностей», что не только не способствует процессу коммуникации в различных аспектах, но и способствует «выпадению человека из общественной жизни» [6, с. 233]. И как следствие — агрессия, ненависть, религиозная, национальная и расовая неприязнь.

Динамичные процессы современного мира повлекли за собой рост иммиграции, что актуализировало понятие «диаспора», под которой сейчас понимается любое этнонациональное сообщество, проживающее вне территории своей страны [2]. В современном мире понятие «диаспора» является показателем множественности культур современных обществ, прежде всего, ставя вопрос о необходимости интеграции представителей других культур в культуру принимающей страны. В западной культуре эти вопросы рассматривались в рамках осуществления политики «мультикультурализма» и «интеркультурализма», артикулирующих вопросы межкультурной коммуникации, опирающейся на религию, язык, традиции и т. д.

Как справедливо пишет А. Швецова, провал в реализации политики «мультикультурализма» и «интеркультурализма» показал, что «само по себе признание и реализация равного права на культурную самобытность явно недостаточны для обеспечения социального мира и национального единства — для этого необходимо сформировать общенациональные духовно-культурные основы общества, позволяющие каждому индивиду не только соотносить себя с определенной этнической или культурной общностью, но

и быть представителем соответствующей нации, совместно с другими участвовать в ее жизни, признавая общенациональные ценности и идеалы» [8, с. 654].

Обострившееся противоборство в геополитическом пространстве затронуло практически все сферы жизнедеятельности людей и повлекло за собой появление различных технологий, способных воздействовать не только на сознание личности, общества и менять общественное мнение, но и влиять на ментальные структуры, включая духовно-ценностные основания. Новый тип воздействия на человека получил у современных исследователей разное название в зависимости от объекта воздействия: конвергентный [1], ментальный, когнитивный [9; 10], но суть у них одна — трансформация человека (нано-, био-, информационная, когнитивная, социогуманитарная и т. д.). Неслучайно некоторые исследователи признают, что «новый человек» будет представлять собой симбиоз IT-технологий и биотехнологий [11, с. 7], а это повлечет за собой изменение социальной, когнитивной, культурной сфер и, как следствие, повлияет на социокультурную идентичность, которая, на наш взгляд, является значимой стороной бытия этнонациональной общности.

Непосредственно данные технологии успешно были апробированы в СССР, Украине, Афганистане, Казахстане и т. д. [12]. Сегодня страны «коллективного Запада» в рамках развернутой гибридной войны апробируют технологии когнитивного, информационного и ментального воздействия, направленные на изменение социокультурной идентичности и манипулирование массовым сознанием на территории Российского государства [9], что актуализирует поиск и определение идентичности для нашего государства. При этом процесс вторжения в когнитивное и ментальное пространство общества с помощью данных технологий, по мнению Дж. Роджерса, включает в себя следующее: деактивацию существующей идентификации страны через рассинхронизацию ее исторического нарратива посредством сомнения и разрушения самовосприятия своей международной значимости, а также делегитимизацию ее международного статуса и роли; создание новой идентичности на основе маргинализованных исторических мифов, что способствует принятию новой идентичности внутри страны и на международной арене [9].

Навязывание ложных ценностей, внедрение ложных смыслов в науку и обществе, подмена понятий, изменение в системе образования, смена ментальности массового сознания приводят «к системным ошибкам в мышлении и шаблонным отклонениям», заблуждениям, принятию ошибочных решений и выводов [10], т. е. к «когнитивному искажению» [там же] и «мозаичности знаниевых структур» и, как след-

ствие, невозможности полностью и объективно воспринимать информацию, структурировать ее, отличать адекватную информацию от информационного вброса. Искажается психика, деформируется интеллект, разрушаются системы коммуникаций. Всё это ведет к «переформатированию» человека, делает его «удобным» для противоборствующей стороны, способным воспринимать «нужную» политическую, культурную и общественную повестку.

Неслучайно сегодня одним из важнейших свойств идентичности признается конструируемость [1]. При этом исследователи феномена идентичности подчеркивают, что важным и существенным является то, какие конструкторы используются при построении и формировании той или иной идентичности, и «как они будут использованы – политические, социальные, административные, культурные и т. д. – таков будет результат» [там же, с. 4]. Следует подчеркнуть, что о конструируемости идентичности писал еще С. Хантингтон [13].

Необходимо помнить, что в обществе выделяют несколько видов идентичности, такие как «этническая, национальная, религиозная, гражданская, цивилизационная» [8, с. 654]. Все они взаимосвязаны между собой и «имеют особый характер “преломления” в социокультурном пространстве» [там же], представляя различные реальности. Но базовой при этом является именно социокультурная идентичность. При этом культура будет выступать «в качестве мощного интегрального символического объединяющего ресурса» [14, р. 26], являющегося особенно значимым в эпоху «национальных государств» [15, с. 97].

Культурное единство народа выступает основой национального самоопределения и в перспективе гражданского единства. Хотя, как справедливо замечает А. Швецова, «станет ли такая общность в будущем гражданской нацией как определенным типом общественного устройства со всеми необходимыми атрибутами (демократическим режимом, гражданским обществом, принципами законности, равенства и справедливости) – это вопрос ее исторического выбора и исторической судьбы» [8, с. 655].

Многие исследователи признают, что сегодня для российского общества «осознание значения социокультурной идентичности стало одним из способов установления собственной цивилизационной специфики и оригинальности, осознание самости русского человека» [1, с. 10]. Ход исторического развития и геополитические факторы всегда актуализировали дискуссионность данного вопроса в русской философской мысли (достаточно вспомнить спор между западниками и славянофилами, евразийскую теорию). Необходимо отметить, что «внутренняя борьба множества “русских идей”, как считают ряд исследова-

телей, вполне естественна, поскольку русская цивилизация, в которую включены различные этнографические зоны, сопрягает в себя “множество культурных матриц”» [7].

Социокультурная идентичность осознается и реализуется в процессе социального взаимодействия, а инструментом при этом выступает язык. Если социальная группа, осознающая себя как этническая общность, не имеет собственного языка, то это влечет за собой различного рода проблемы: от социальных до культурных. Формирование социокультурной идентичности этнонациональной общности неминуемо ведет к необходимости создания своего языка. Примерами здесь могут служить Норвегия и Югославия [1]. Язык также способен влиять на развитие идентичности самой этно-национальной общности, например иврит (язык иудеев) как разговорный язык современного Израиля, способствующий актуализации религиозного фактора в процессе конструирования социокультурной иудейской идентичности [1].

Социокультурная идентичность выступает как «устойчивое социально-психологическое состояние субъекта (индивида, этнической группы, сообщества, народности, нации и т. д.), выражающее отношение субъекта к самому себе, окружающим, проявляющаяся в поведении, образе мысли, доминантных ценностях, способов связи (сознательных и бессознательных) к себе подобным» [16, с. 86]. Таким образом, она позволяет раскрыть «сущность социальных субъектов».

«Поле формирования» социокультурной идентичности является социокультурная среда, где происходят «установление и закрепление специфики социального субъекта», что предполагает наличие «самосознания, самоопределения, самоактуализации, персонализации и др.» [1, с. 4].

Идентичность «динамична», поскольку ее формирование происходит в процессе жизнедеятельности человека, выступая при этом мерой бытия и формой «выражения вещественных, ментально-психических и знаково-символических объектов. Идентичность есть мера определенности и форма предикации структурно-процессуальной количественно-качественной и пространственно-временной определенности и самотождественности вещи (материальной, идеальной, материально-идеальной) и отношений вещей» [там же, с. 7]. Идентичность представляет собой способ «фокусирования и ориентирования сознания человека», своего рода «навигатор сознания» [11, с. 152–153].

Процесс развития социокультурной идентичности осуществляется в ходе преемственности, а также в результате влияния факторов, возникающих на современном этапе жизнедеятельности общества. Закрепляя необходимые навыки и качества в процес-

се формирования идентичности, субъект в то же время «отбрасывает социальные рудименты»: взгляды, привычки, связи и т. д. [1]. Динамичность этого процесса ускорило развитие информационного общества и информационных технологий, которые способствовали интенсивному вовлечению молодого поколения в виртуальное пространство, породив при этом «так называемый социальный эскапизм» [17], в различных формах его проявления, в том числе в стремлении заменить реальное межличностное общение виртуальным. Проведенные статистические исследования показывают, что «61 % опрошенных в возрасте 14–25 лет чувствуют себя комфортнее в социальных сетях, чем в обычной жизни. Причем 89 % девушек и 81 % юношей боятся надолго остаться без социальных сетей» [там же, с. 54]. Это и есть яркий пример «отбрасывания социальных рудиментов» [1]. Зачастую молодое поколение «не ощущает идентичности с историческими заслугами и подвигами предков» [там же], а это влечет за собой утрату взаимосвязи и взаимопонимания между поколениями.

Не случайно социокультурную идентичность исследователи рассматривают как хронотоп, т. е. существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений [там же].

Таким образом, идентичность можно анализировать как достижение тождества с окружающим миром через интеграцию в культурно-символическое пространство тех или иных обществ. Конституентами социокультурной идентичности являются «гендер, этнос, культура, образующие гендерную, этническую, культурную идентичности соответственно» [там же, с. 7]. Всё это определяет свойства и качества личности и ее поведение, а также деятельность социума в целом.

При определении идентичности субъекта необходимо учитывать «пол, возраст, социально-экономические и политико-правовые условия ее формирования» [там же, с. 5]. Различные формы социокультурной идентичности могут быть выражены у субъекта по-разному. В свою очередь, новое поколение стремится обособить себя, «подчеркивая свои отличительные стороны в сфере морально-нравственной и политико-правовой» [там же].

Проблема социокультурной идентичности не только заключается в определении самотождественности личности или общности, но и отделении ее от «других». О том, что социокультурная идентичность является свидетельством непохожести людей, писал еще С. Хантингтон, утверждая, что она выступает результатом взаимодействия человека и группы как самоидентификация человека через восприятие индивида другими [13, с. 52]. В то время как Х. Борхес утверждает, что «другой» – это тот же самый [18].

Между тем следует подчеркнуть, что самоопределение субъекта возможно только в рамках социальной рефлексии в результате приобщения к социально значимым целям, ценностям, смыслам общественной жизни, которое осуществляется в процессе социальной деятельности и социального взаимодействия как личности, так и этнонациональной общности. При этом определить смысл существования и развития субъекта способна национальная идея, позволяющая консолидировать всех акторов общественной жизни и ответить на вопросы: «кто мы такие?», «кем должны стать?», «куда необходимо идти?». А это, в свою очередь, дает возможность определить историческую перспективу и проект национального будущего.

Неслучайно такие авторы, как К. Кузнецов и П. Щелин, считают, что идентичность опирается на «три составляющие: это позитивно воспринимаемое общее прошлое, общий опыт государственности, общие ценности» и «общая ответственность за будущее страны» [19, с. 32]. На основании национальной идеи субъект формирует определенный образ жизненных перспектив. Именно привлекательность данного образа будет формировать будущее этнонационального и общественного развития.

Таким образом, формирование социокультурной идентичности происходит на разных уровнях взаимодействий субъектов, как «внутри коллективных», так и «внешних» [8, с. 658]. «Внутри коллективные взаимодействия» основаны на определенной системе ценностей, в которой закодированы культурные смыслы, основанные на языке, религии, мифологии, искусстве, исторической памяти, позволяющие осознать и ощутить этнонациональную общность.

«Внешние взаимодействия» позволяют определить «особенности» этнонациональной общности, отделить себя от «чужих», «других», «иных». Восприятие «иного» может быть разным, главное, чтобы было значимым, необходимым для сравнения. Неприятие «иного» концентрируется в понятии «негативная идентичность», которая рассматривается как «самоутверждение от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженное в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, выступающего в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего всё, что неприемлемо в членах группы или общества, короче, антипода» [20, с. 37]. Субъект должен осознать, что является нежелательным, недопустимым для собственной общности. Неслучайно С. Хантингтон утверждает, что взаимодействие с культурой и деятельностью «другого» вызывает наивысший подъем патриотизма, национального единения и национальной идентичности, особенно если этот «другой» выступает общим для всей нации врагом [13]. Подобные высказывания можно найти и

У. Эко [21]. При этом нужно помнить, что «другой» не тождественен «чужому». Он наделен меньшей степенью агрессивности, что снижает уровень угроз [6, с. 232].

В связи с этим необходимо отметить, что в современных условиях одной из значимых проблем, является «превращение «чужого» в «свое»» [22] в том случае, если представитель той или иной культуры не замечает подобных изменений, когда происходит неосознанный, неконтролируемый процесс подмены традиционных ценностей. Подобный процесс имеет несколько сценариев, таких как: «самостоятельное снижение уровня критичности восприятия составных элементов чужой культуры носителем в целях лучшей адаптации; внешнее заимствование норм и структурных элементов чужой культуры, так называемая социальная мимикрия; фундаментальные ценности чужой культуры первоначально случайным образом совпадают с теми, которые были своими для носителя, но позже сначала заменяют, а позже и вовсе подменяют новыми» [там же, с. 111]. Не случайно одним из феноменов современной реальности является «размытая идентичность», когда субъект не может определиться, к какой именно культуре он принадлежит [там же].

Социокультурная идентичность выступает процессом постоянной критической рефлексии, позволяющим противостоять негативным моментам. Тем не менее это не должно быть направлено на самоизоляция процессы, способные законсервировать в своем развитии этнонациональные общности или привести к уничтожению. А если происходит нейтрализация процесса самоидентификации, то это ведет к аморфности самого этнонационального образования и, как следствие, неспособности отстаивать свои интересы и, соответственно, реализовать себя как субъекта исторического процесса.

Поскольку современная российская идентичность развивается в условиях противостояния «коллективному Западу», то это актуализирует необходимость поиска нового содержания всех форм субъектной идентичности, таких как социокультурная, государственная, национальная, политическая, правовая. При этом основой должна стать именно общепризнанная система ценностей и нормативно-правовых регуляторов, которая разграничила бы добро и зло, допустимое и недопустимое.

Таким образом, мировые геополитические, экономические, культурные и другие процессы ведут к «размытости», «открытости», «плюрализации», «гибкости» социокультурной идентичности как на уровне индивида, так и на уровне общества. Эти процессы могут нести серьезную угрозу национальной безопасности государства, поскольку способны не только разрушить национальную систему ценно-

стей, но и привести к неконтролируемым процессам на разных уровнях жизнедеятельности социума и его дестабилизации.

А самое главное, «размываются» «основания для формирования целостных социально-исторических субъектов» [8, с. 654], что затрудняет возможность сохранить этнонациональную и культурную самобытность, очертить круг культурных границ, выделить себя среди «других». Обращение к вопросам социокультурной идентичности является в современных условиях значимым для жизнедеятельности субъектов, поскольку самоопределение позволяет не только осознать общественно значимую цель развития, но и установить социальный, культурный и другие векторы развития.

Процесс формирования и развития социокультурной идентичности должен «включать в себя два взаимосвязанных компонента – это созданные государством формы и механизмы, которые обеспечивают вовлечение субъекта в общественную жизнь и активность самой личности» [23]. Для формирования и развития современной российской социокультурной идентичности актуальным становится поиск консенсуса интересов основных деятелей (акторов) социокультурного и этно-национального пространства. Данный консенсус должен опираться на историческую память, общенациональные ценности и концентрироваться в интегральной концепции цивилизационного развития или национальной идеологии, способной объединить все слои и группы российского общества. При этом идеологическая составляющая должна исходить из приоритета общероссийских национальных интересов и учитывать объективные геополитические факторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьев М. А., Зыкин А. В., Виноградова С. А., Федоров М. В. Социокультурная идентичность : суждения, определения и современные проблемы // Социодинамика. 2022. № 8. С. 1–13.
2. Немировская Л. З. Проблема социокультурной идентичности и самоидентификации // Вестник Российского нового университета. 2012. № 1. С. 20–29.
3. Бугайчук Т. В., Доссэ Т. Г. Идентичность как объект исследования социальных наук // Ярославский педагогический вестник. 2013. №. 3. С. 21–217.
4. Радугина О. А., Бойматов У. Ф. Проблематизация культурной идентичности в эпоху глобализации // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 53–61.
5. Четвертакова Ж. Социокультурный подход к определению понятия «Этнос» // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. 2023. № 1. С. 61–57.
6. Куруленко Э., Нефедова Д. Национально-культурная идентичность в условиях глобализирующейся

реальности // Известия Самар. науч. центра Российской академии наук. 2015. № 1. С. 231–234.

7. Мировоззрение Русской цивилизации : путь к себе / сост. В. В. Аверьянов. URL: https://zavtra.ru/blogs/mirovozzrenie_russkoj_tcivilizacii_put_k_sebe?ysclid=lvff6f0wn7694197779

8. Швецова А. В. Национальная идентичность как социокультурный феномен // Обсерватория культуры. 2017. № 6. С. 653–661.

9. Макаров Е. Ментальная и когнитивная война : вопросы определения, цели и средства. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-voyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva?ysclid=lv123cw6nz375546578>

10. Смирнова О. О. Когнитивные технологии экономических войн. URL: <https://1economic.ru/lib/120343?ysclid=lv11z2ael396133263>

11. Идентичность как навигатор сознания : монография / Х. Г. Тхагапсоев, Л. Д. Мосолова [и др.]. СПб. : Астерион, 2016. 170 с.

12. Когнитивная война : война нового поколения. URL: <https://russtrat.ru/analytics/24-dekabrya-2021-0010-7763?ysclid=lv11zxhhap376589604>

13. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008. 635 с.

14. Astafyeva O. Instability of Cultural Identity in the Modern World and Its Projections in Creative Industries // The 4-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2017. Book 2. Ancience (проверитьнагл) Science. Vol. 2. Sofia, Bulgaria, 2017. P. 25–31.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная Академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (Воронеж)

Четвертакова Ж. В., кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук

E-mail: zhanhalfalf@mail.ru

15. Хобсбаум Э. После победы в войне. Соединенные Штаты : все шире и шире // Логос. 2003. № 1. С. 97–104.

16. Романенко И. Б. Социокультурная идентичность : альтернатива мультикультурализма и поликультурализма // Философско-культурологические проблемы идентичности в контексте современности : материалы Междунар. конф. «Культурная идентификация молодежи в условиях глобализации». СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2010. С. 86–92.

17. Мигунова Ю. В. Особенности влияния виртуального пространства на современную молодежь // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 51–55.

18. Борхес Х. Л. Книга вымышленных существ. СПб., 2004. 379 с.

19. Кузнецов К. А., Щелин П. А. Национальная идентичность и устойчивая государственность // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 31–36.

20. Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2000. № 5. С. 35–44.

21. Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. М., 2014. 349 с.

22. Панибратцев А. В. Проблемы определения культурной идентичности в современных условиях // Религия и мир. 2019. № 7. С. 109–114.

23. Мельникова Л. В. Трансформация российской культурной идентичности. URL: <https://www.disscat.com/content/transformatiya-rossiiskoi-kulturnoi-identichnosti?ysclid=luu1hkfw3i528071974>

Military Education and Research Center of the Air Force «The Air Force Academy named after N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin» (Voronezh)

Chetvertakova Zh. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Humanities, Social and Economic Sciences

E-mail: zhanhalfalf@mail.ru